

Dementia praecox paranoides.

Психологическое изслѣдованіе.

В. И. РУДНЕВА.

Б. приватъ-доцента Новороссійскаго Университета,

директора Саратовской психіатрической лечебницы.

Параноидная форма прогрессирующаго слабоумія (*dementia paranoides*) была впервые выдѣлена *Kraepelin'*омъ ¹⁾, который этимъ именемъ обозначилъ небольшую группу случаевъ, отличающихся быстрымъ развитіемъ совершенно нелѣпныхъ и безсвязныхъ идей преслѣдованія и величія и необыкновенно раннимъ, сопровождающимся явленіями умѣреннаго возбужденія, переходомъ въ стойкое состояніе спутанности. Она представляетъ нѣкоторое родство съ *dementia praecox* и кататоніей, но развивается въ болѣе старшемъ возрастѣ, иначе протекаетъ и кончается. Послѣдующая литература о параноидной формѣ прогрессирующаго слабоумія не обширна.

Бехтеревъ ²⁾ указываетъ на то, что *Крепелинъ*, устано-

¹⁾ *Kraepelin*. Психіатрія. Р. II. 1898 г. 148—149 стр.

²⁾ *Бехтеревъ* см. *Розенбахъ*. Обь отношеніи дем. праекозъ къ другимъ формамъ душевн. разстр. Обзор. Псих. № 4—1908.

ившей форму *dementiae paranoides*, нашелъ ее только въ 3 случаяхъ на 60 тысячъ больныхъ

Нарбутъ ¹⁾ увѣренъ въ томъ, что существованіе параноидной формы (*dementiae paranoides*) возбуждаетъ у самого *Крепелина* нѣкоторое сомнѣніе.

Юдинъ ²⁾ въ статьѣ о параноидной деменціи полагаетъ, что точныхъ и опредѣленныхъ границъ между отдѣльными подгруппами ранняго слабоумія провести не представляется возможнымъ. Въ моей работѣ будетъ идти рѣчь не о *dementiae paranoides*, а о *dementia praecoxe paranoides*, т. е. о преждевременномъ слабоуміи, сопровождающемся чертами, напоминающими параною: бредомъ величія, бредомъ преслѣдованія, символизмомъ и пр. на ряду съ характерными симптомами для преждевременнаго слабоумія. Параноидная форма *dementiae praecoxis* дѣйствительно существуетъ и должна быть выдѣлена въ особую подгруппу преждевременнаго слабоумія, а также указано отношеніе ея къ *dementiae paranoides* *Крепелина* и къ самой параноѣ. Эта форма, вѣроятно, наиболѣе способствовала укорененію взгляда нѣкоторыхъ авторовъ о принадлежности паранои къ преждевременному слабоумію (*Specht*, *Сухановъ* и др.) взглядъ, съ которымъ врядъ ли можно согласиться.

Въ литературѣ относительно *dementiae praecoxe paranoides* мы имѣемъ недавно вышедшую работу *Kölpin'a* ³⁾; въ ней авторъ говоритъ, что на 100 случаевъ *dementiae praecoxis* онъ встрѣтилъ 39 случаевъ параноидной формы, которую можно раздѣлить на 3 группы, отличающіяся тѣмъ, что въ первыхъ двухъ группахъ бредъ систематизированъ, а въ 3-й

¹⁾ *Нарбутъ*. Тамъ же.

²⁾ *Юдинъ*. Современная психіатрія. 1909. Май, реф. Обзор. Псих. 1909—625.

³⁾ *Kölpin*. Ueber dem. praecox insbesond. paranoid. Form. derselb. Alg Zeitschr. f. Psych. 65 bd 1908.

быстро развивается слабоуміе при слабой систематизаціи бреда. Крімъ того, въ первой группѣ интеллектъ долгое время сохраняется, а во второй выступаетъ на первый планъ нелѣпная система бреда.

Kölpin полагаетъ, что для параноидной формы *d. praecox* болѣе подходило бы названіе диссоціативной деменціи (*dissociative demenz*), такъ какъ при ней наблюдается диссоціація чувствъ и представленій, но мнѣ кажется, что если уже говорить о диссоціаціи, то какъ объ умственномъ процессѣ, противоположномъ нормальному, который характеризуется синтезомъ; при *dementia praecox paranoïdes*, какъ я докажу, существуетъ именно діализъ—разложеніе понятій и даже обыкновенныхъ словъ.

При изслѣдованіи моего случая было обращено особенное вниманіе на воображеніе больного. Относительно *dementia praecox* *Rene Masselon*¹⁾ замѣтилъ, что больные обладаютъ ничтожнымъ воображеніемъ, я подтвердилъ это изслѣдованіемъ кататонической формы преждевременнаго слабоумія²⁾; что касается параноидной формы, то здѣсь также разстроено воображеніе, выступаетъ слабость его, какъ выраженіе общаго слабоумія субъекта, но въ очень оригинальной формѣ.

Больной В. П. поступилъ въ Одесскую психіатрическую больницу 19 26/хл 02 г. Въ скорбномъ листѣ д-ромъ Штейнгаусомъ отмѣчено слѣдующее: „П. 26 лѣтъ, холостъ, дворянинъ, онанистъ, сознаніе ясное, галлюцинаціи и бредъ отрицаетъ. За два дня до поступленія 24/хл выбилъ стекло въ магазинѣ Баржанскаго, мотивируя это тѣмъ, что онъ желалъ попасть въ участокъ; ему ѣсть нечего, онъ хочетъ заработать

¹⁾ *R. Masselon*. L'affaiblissement intell. dans la demence prec. L'année. Psych. 1907 г.

²⁾ *Рудневъ*. Кататоническая форма преждевременнаго слабоумія. Отчетъ Одесск. псих. больницы 1908 г.

вать хлѣбъ себѣ честнымъ трудомъ, а ему этого не даютъ: онъ челоѣкъ одинокій, сирота, протекціи у него нѣтъ. Онъ обращался къ градоначальникамъ З. и Ш. требовалъ мѣста; такъ какъ онъ не имѣетъ собственности, то ему должны предоставить возможность заниматься честнымъ трудомъ, онъ долженъ былъ бы собственно выбить стекло З. и Ш. „лучше быть преступникомъ, чѣмъ валяться въ мусорномъ ящикѣ“. Раньше онъ служилъ въ имѣніи конторщикомъ, и не могъ продолжать служить тамъ, гдѣ ему не довѣряютъ, онъ можетъ быть не уживчивымъ, но онъ не можетъ лстить, не можетъ потакать чужимъ капризамъ. Такимъ людямъ трудно приходится жить. Къ нему съ дѣтства относились несправедливо, хотя онъ учился хорошо, и въ силу глубины своего сиротства дома онъ убивалъ самого себя.

20/хп. Считаетъ себя совершенно здоровымъ, увѣренъ, что всѣ люди поступали съ нимъ, какъ скоты.

30/хп. Повидимому, б-ого не очень тяготитъ обстановка, онъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія чѣмъ нибудь заниматься, относится къ своему положенію довольно безразлично. Въ отдѣленіи держится всегда особнякомъ, ни съ кѣмъ не заговариваетъ, замѣтна нѣкоторая рисовка, проглядываютъ нѣкоторыя параноическія черты.

4/iv. Выписанъ изъ б-цы.

1/7. Снова разбилъ стекло въ магазинѣ Баржанскаго и опять попалъ въ больницу.

2/vш. Будучи въ церкви, гулялъ по ней, подарилъ букетъ цвѣтовъ дѣвочкѣ, которая пѣла въ хорѣ, но отрицаетъ это, говоря, что служителя лгутъ, влещутъ на него. Замѣмѣчаетъ вообще несправедливое отношеніе къ нему со стороны окружающихъ.

21/vш. Пишетъ стихи, содержаніе которыхъ убогое.

1/ix. Вдругъ впалъ въ возбужденіе, вымазался грязью, билъ ванщика, кусалъ всѣхъ.

21/ix. Снова находится въ возбужденномъ состояніи, билъ служителей, ругалъ ихъ скотами.

23/ix. Измазалъ себѣ лицо, голову и руки экскрементами, предварительно ходилъ по палатѣ, задумавшись и улыбаясь.

26/ix. Ночью набросился на спящаго служителя, ударилъ его по головѣ желѣзной палкой отъ кровати и сталъ душить. Отрицалъ нападеніе, шутилъ, казался взволнованъ.

27/ix. Пѣль патриотическія пѣсни, говоря, что находится въ мѣстѣ пытки.

28/ix. Высказываетъ предположеніе, что вода въ ваннѣ отравлена, обнаруживаетъ параноическія идеи преслѣдованія. Увѣряетъ, что много сдѣлалъ для Россіи, государя, общества.

17/xi. Врачей называетъ учителями, подозрителенъ.

17/v Полный мутацизмъ. 1906 г. 2/xi. Обвиняетъ, что ему владутъ отравленную слюну въ ротъ. 1908 г. Ежедневно требуетъ бумаги, пишетъ разныя безсмысленныя прошенія, жалобы“.

О мышленіи больного.

Больной выражаетъ на бумагѣ свои мысли, и это обстоятельство позволяетъ проникнуть въ процессъ его мышленія и преслѣдить весь ходъ его. Мы сначала приведемъ образцы его писаній, а потомъ сдѣлаемъ выводъ.

Изъ анамнеза извѣстно, что еще съ 16 лѣтъ онъ чувствовалъ въ себѣ поэтическое призваніе, воображалъ себя поэтомъ и писателемъ, посылалъ въ редакцію свои стихотворенія и рассказы, но ихъ возвращали ему съ насмѣшкой. Онъ можетъ написать въ день безчисленное количество стиховъ, изъ которыхъ мы приведемъ нѣсколько отрывковъ: стихотвореніе „Апельсинъ“.

„А п е л ь с и н ь“

(вустомъ иль деревомъ растеть).

„Апельсинъ первѣе желтый
 Съ составомъ цвѣта—первѣй желтый
 Шкарлупой пахнушей порось
 И семена въ мякишѣ вкусомъ
 Вкусъ сладкій кисло мягковато
 Создавшись формой апельсинъ.
 Приятнымъ поцѣлуемъ міру
 Родился трудъ молча другое...
 Что существуетъ апельсинъ
 Что человекъ добрѣй и злѣй
 Шумитъ иль тихимъ молчаливымъ

Врагомъ ли или не врагомъ
 Союзнымъ или не союзнымъ
 Ударомъ или поцѣлуемъ
 Гдѣ паруходъ тебя что везъ
 Иль везъ тебя по сушѣ морѣ
 Иль иначе тебя везли
 Иль иначе тебя несли
 И цѣла ли твоя подвода
 Побитая и нѣтъ иль есть
 Гдѣ тѣ тебя что собирали
 Гдѣ тѣ тебя, грузили что
 Гдѣ тѣ тебя сгружали что
 Гдѣ тѣ тебя взяли въ магазинъ
 Гдѣ тѣ тебя брали что въ складъ
 Гдѣ тѣ тебя желаютъ ѣсть
 Гдѣ тѣ тебя ѣдятъ всѣхъ болѣ
 Гдѣ тѣ тебя ѣдятъ всѣхъ менѣ
 Гдѣ тѣ тебя не знаютъ вѣчно
 Какой барышъ ты составляешь
 Для фермера и для рабочихъ
 Какихъ монетъ ты перешолъ
 Границы государствъ земныхъ.
 Какъ допустить всѣхъ въ апельсинамъ
 Останется ли много штукъ
 Иль не останется ни штуки
 И апельсинъ мараетъ много
 И сильно ли мараетъ жизнь
 Прожить не ѣвши апельсинъ
 Прожить тебя съѣдая мало
 Прожить тебя съѣдая много“.

„Г. Одесса. Юня восьмого дня, одна тысяча девятьсотъ восьмого года. В. Поповъ“.

Стереотипія („гдѣ тѣ тебя“), обычная для его стихотвореній, въ особенности выразилась въ его произведеніи „мои картины“ въ словѣ („пріятно“).

„М о и к а р т и н ы .“

Пріятно слышать и видать
 Пріятно слушать обонянемъ

Приятно чувствомъ осязать
 Приятно кушать помѣщаться
 Приятно службой управлять
 Приятно царствовать народомъ
 Приятно умирать утратясь
 Приятны формы гимназистовъ
 Приятны формы гимназистовъ
 Приятны формы всѣхъ учениковъ.
 Приятно видѣть женщинъ—жизнь
 Приятно видѣть жизнь мужчинъ
 Приятно видѣть все приятно
 Приятно видѣть не себя
 Приятно видѣть и себя
 Приятно видѣть небеса
 Приятно видѣть землю воду
 Приятно видѣть даже грязь
 Приятна анатомія
 Приятна физика—приятно
 Приятна химія—законъ
 Приятна математика
 Приятные законы Бога
 Приятная исторія
 Приятна астрономія
 Приятно видѣть моря жизнь
 Приятно видѣть жизнь не моря
 Приятно видѣть всѣ науки
 Приятно видѣть на низу
 95 стихъ. Приятно видѣть на верху“ и т. д.

Иногда авторъ—поэтъ старается о римѣ, напримѣръ:

„Она моя сестра и мать
 Родная бабушка и вбратъ
 Ее молчаніемъ какъ мать
 Не зная какъ тебя рождать
 И какъ тебя рождала мать
 Которую могутъ назвать
 Какъ иначе и какъ считать
 Мою Одессу и не звать
 Какъ видный бергъ иногда
 Далекій, ближе невсегда

Я ночь уснулъ, жизнь свѣта день
Смѣнилась какъ морская лѣнь“.

Что касается прозаическихъ произведеній больного, то они не уступаютъ стихамъ, больной даетъ слѣдующее описаніе:

„Надъ нами небесный сводъ, двери голубаго неба, покрывающей какъ грибокъ, подъ которымъ всѣ находятся и все находится на землѣ—день видный нами и освѣщаемый солнцемъ то есть виднымъ намъ приблизительно размѣра человѣческой головы—свѣтящимся существованіемъ, движущимся какъ намъ кажется, существуя о лицѣ земли, движущейся вокругъ своей оси и вокругъ солнца; вокругъ своей оси день и ночь, утромъ и вечеромъ. День свѣтъ, ночь тьма. Порой день ясный, видный намъ однимъ солнцемъ, по голубому небу, порой солнце движется между облаками и въ облакахъ. На землю отъ облаковъ собравшихся водъ надъ землей падаетъ дождь. Облака въ дождь разряжаются силою электричества соединеніемъ двухъ силъ положительнаго и отрицательнаго электричества, являя молніи свѣтъ искру по небу ломанной чертой, углами соединенную или другую черту, какъ существуетъ о существѣ и громъ“.

О личности больного.

Больной опредѣляетъ себя слѣдующимъ образомъ: „я считаю себя царемъ и Богомъ, я считаю себя лицомъ о лицѣ чиновниковъ и офицеровъ вообще всѣхъ земного шара, потомственнымъ дворяниномъ, царь, тотъ кто избранъ мною и кто мнѣ служить. Мое отношеніе къ Богу—вѣчное витаніе справедливости, промысль, пресѣченіе зла. Я специалистъ, сыщикъ столовъ, старшинство стolonачальниковъ земного шара“. Такъ опредѣлилъ себя больной на вопросъ, кто онъ такой. Свое величіе больной изобразилъ символически, на рисунокѣ и написалъ: „изображать точно. Факсимиле мученика XX двадцатое столѣтіе и вѣчность. Баронъ, Графъ, Потомственный дворянинъ, великій князь, Столбовой дворянинъ и Прочее и Прочее Василий Дмитріевичъ Поповъ“ (см. таблицу рисунковъ).

Нелѣпныя идеи величія проявляются у больного также въ его рукописяхъ; перечисляя свои званія онъ выражается такъ:

„Мои адъютанты: Наполеонъ Бонапартъ мой бывшій сторожь гробницы, царствующій домъ Р. Имперіи бывшій мой дворникъ.

Я великій князь Кавказскій—мѣсто посадъ Бирзула.

Я атаманство Малороссіи.

Я слѣдопытъ.

Мое атаманство о храмѣ святой Троицы.

Я основаніе города Карачова.

Я судья города Карачова.

Мои имѣнія и шкафы въ моихъ имѣніяхъ“.

На просьбу написать о своемъ могуществѣ, больной изобразилъ слѣдующее: „Я всемогущъ, сознаю о вѣчномъ, о правдѣ и о витаніи справедливости. Я слабъ о житіи св. Серафима. Могущество мое—двери земного шара, молчаливость, смерть. Законы земного шара и всего, что я вижу надо мной, вѣчное изображеніе другого лица, молча о своемъ существованіи есть молчаніе. Мои планы меньше дѣйствительной жизни, дѣйствительная жизнь и жизнь въ увеличенномъ видѣ. Я все цѣлую своимъ существомъ человѣка, первенства и раздѣленія, мои планы первенство, такъ какъ они есть, острые и мягкіе, твердые, молча о своемъ существованіи, это всей дырой вселенной кромѣ человѣка и всего живого и неживого, которое не молчитъ. Мои планы союзные, острые, твердые, въ меньшему и не меньшему—кому остры и тверды. *Мои планы псть и ест*“. Свое величіе больной ежедневно проявляетъ, какъ громкимъ голосомъ, крича и браня всѣхъ и все, такъ издавая письменные приказы слѣдующимъ лицамъ: 1) министру внутреннихъ дѣлъ. „На Югѣ Россіи существуютъ разныя поселенія иностранцевъ, съ высоты моей фамиліи приказываю не существовать иностранцамъ на Югѣ; 2) Херсонскому губернатору: „въ Одесской психіатрической больницѣ состоялась духовно-нравственная перечистка Императора Р. Имперіи; 8) Епископу Мемнону „О евангеліяхъ“; 4) жандармскому полковнику, городскому головѣ, прокурору и прочимъ лицамъ разныя приказанія.

На вопросъ, сколько личностей чувствуетъ въ себѣ больной, полученъ отвѣтъ:

„Личность одну, естественный, правильный подборъ мужчинъ“.

Вопросъ: какихъ?

„Званіе дворянина“.

Вы Богъ?

„Да, я царь и Богъ, 4 евангелиста, въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово“.

Это къ вамъ относится?

„Да ко мнѣ“.

Какимъ образомъ царь, Богъ, великій князь Кавказскій, гетманъ Малороссіи, судья г. Карачова, основаніе г. Карачова соединяются въ одномъ вашемъ лицѣ?

„Личность одна дворянинъ, я старый замокъ, какъ святое житіе въ лицѣ императора“.

Сколько у васъ душъ?

„Если согласить о лицѣ лицо, одна душа, при мнѣ присутствуетъ крестьянинъ Поповъ, т. е. много душъ всѣхъ мѣщанъ и крестьянъ, я жизнь земнаго шара, 20 столѣтіе, весь земной шаръ 20 столѣтія о моемъ житіи“.

Душа у васъ одна?

„Душа одна, Духа святаго, иже отъ отца исходящаго“.

Можетъ быть вы сынъ Божій?

„О сущей Богородицѣ сынъ Божій“?

Вы Иисусъ Христосъ?

„Да, разновидность папы римскаго, я намѣстникъ Христа“.

Кромѣ идей величія, у больного существуютъ также идеи преслѣдованія, которыя онъ излагаетъ въ запискѣ слѣдующимъ образомъ:

„Насилія надо мной бѣднымъ творятся, евреи меня унижаютъ и оскорбляютъ, презираютъ потому, что я не еврей... нѣсколько лѣтъ я нахожусь въ насиліи, оставаясь живъ послѣ насилій, угнетеній, оскорбленій, оплеваній и побитій. Почему я нахожусь въ психіатрической лѣчебницѣ, какъ душевно-больной? Меня дѣлаютъ какимъ то совершенно негоднымъ, никому не нужнымъ, опредѣляя меня, душа моя собачья, я собака ожетаевая, кому то для чего то нужно, на мнимость, ложь, дѣлаютъ меня, душу мою собакой, меня собакой; когда мнѣ нужно освободиться изъ психіатрической больницы, принимаютъ всѣ мѣры задержать меня, самое главное дѣлаютъ какое то насиліе надъ натурой, даже не похожее на раздраженіе, я начинаю браниться на кого попало, и на царя; меня могутъ убить, задушить, повѣсить,

застрѣлить, отравить... Меня дѣлають важнѣйшимъ сыщикомъ, ко мнѣ нельзя прикоснуться, я при важнѣйшихъ исполненіяхъ, повелитель всѣми, и священникъ церкви подчиняется мнѣ, мнѣ не выдають дѣйствительной обуви, мнѣ не выдають одежды“.

Больной говоритъ о своихъ врагахъ, объ электричествѣ, дѣйствующемъ на него въ стѣнахъ б-цы, онъ чувствуетъ, какъ отъ окружающихъ его душевно-больныхъ ему передается злора. Враговъ своихъ онъ называетъ такъ: „враждебныя мнѣ, ущербныя формы, законы и тоже, тоже о лицѣ лицо ущерба“. На него дѣйствуетъ электричество „смѣсью силъ природы стихій, положительная сила и отрицательная, электричество производитъ во мнѣ артеріальное и венозное движеніе“.

О воображеніи больного.

На вопросъ, имѣеть ли б-ой воображеніе, сказалъ: „да, имѣю“, но при воображеніи на заданныя темы, далъ слѣдующіе отвѣты:

„море—воображаю молчаливостью, о жизни сознаю себя вольнымъ“;

„лѣсъ—воображаю человѣкомъ“;

„человѣка—воображаю палкой. Все изображается другимъ и тишиною“;

„городъ—воображаю грудьми мужчинъ и женщинъ“;

„пожаръ—воображаю гніеніе, горѣніе, присутствіе заднепроходнаго, живого существа“;

„школу—воображаю тишину и смерть, яйца жизни“.

Такъ какъ б-ой умѣеть срисовывать окружающіе предметы, то его просили нарисовать что-нибудь изъ собственной фантазіи самостоятельно, и онъ изобразилъ нѣсколько прямыхъ линій и подписалъ: „фантазія, палки есть линіи, разнообразность свѣчей“.

Больше ничего не могъ нарисовать изъ собственной фантазіи. На слѣдующій день послѣ настоятельной просьбы нарисовалъ кругъ съ нѣсколькими пересѣкающимися хордами и черточками на верху круга, и подписалъ: „фантазія въ психиатрической лечебницѣ на слободѣ Романовкѣ о стесненіи меня; 26 черточекъ и 19 черточекъ число дней мѣсяца,

двѣнадцать частей эллипсиса—двѣнадцать мѣсяцевъ. Все что есть мною написано, опредѣлять наличностью и не наличностью труда, а критиковъ гласности и печати критиковъ“.

Изъ дальнѣйшихъ рисунковъ б-го оказывается, что фантазія его имѣетъ свои особенности, въ ней можно замѣтить стереотипію, а также символизмъ, о которомъ будетъ сказано ниже. Стереотипія фантазіи заключается въ томъ, что б-ой въ одинъ и тотъ же день, напримѣръ, нарисовалъ 9 рисунковъ, которые не требовали отъ него напряженія ума, а представляли довольно простыя изображенія или, вѣрнѣе, повтореніе одного и того же импульса: ломаная, волнистая линія, кресты, сходящіяся въ центрѣ, одинаковые овалы, круги переплетающіеся, два лица (см. таблицу рисунковъ).

Рисунокъ, изображающій два лица, имѣетъ внизу подпись „дубъ и сѣченіе котлетъ“. Какимъ образомъ въ головѣ у б-го составилась такой сюжетъ, трудно сказать, но этотъ рисунокъ и его обозначеніе отчасти можетъ объяснить отвѣты б-го на вопросы, какъ онъ что нибудь себѣ воображаетъ, напр. его отвѣтъ, что лѣсъ онъ воображаетъ человѣкомъ, человѣка палкой и пр. „все изображается другимъ“. Такъ и въ данномъ рисункѣ, дубъ онъ воображаетъ человѣкомъ смотрящимъ направо, а сѣченіе котлетъ человѣкомъ, смотрящимъ налево. Въ рисунокѣ двуликаго (Януса) сказалась обычная для б-ого стереотипія.

Отказываясь въ началѣ нарисовать что-нибудь изъ своей фантазіи, б-ой теперь каждый день исписываетъ цѣлыя тетради рисунками. Т. обр. стереотипія его проявляется какъ въ рисункахъ, такъ и въ самомъ желаніи рисовать ихъ, при этомъ онъ обязательно символизируетъ каждый рисунокъ: такъ, нарисовавъ пирамиду, (см. таблицу рисунковъ) окруженную нулями, онъ подписалъ „рисунокъ Маруса“; нарисовавъ букву S, оканчивающуюся двумя хвостиками, подписалъ: „рисунокъ. Воспитанникъ Одесскаго городского сиротскаго дома, что въ Ботаническомъ саду“. Соединивъ два S вмѣстѣ, подписалъ: „казарменная ѣда Одесской Городской психіатрической лечебницы, что на слободѣ Романовѣ и соусъ“.

Изобразивъ двѣ перекрещивающихся прямыхъ линіи съ 4 параллелограммами, подписалъ: „рисунокъ Плохая память“. Нарисовавъ три прямоугольника, заключающихся одинъ въ

другомъ, добавилъ: „рисунокъ. Гимназистка, дѣвочка, ученица вообще“. На рисунокѣ, изображающемъ четырехугольники, соприкасающіеся однимъ угломъ, подписалъ: „золото, пожаръ“. Помѣстивъ два треугольника другъ противъ друга, подписалъ: „двоеточіе“. Изображая безчисленное количество рисунковъ подобнаго рода, б-ой послѣ каждаго рисунка помѣщалъ стихотвореніе на ту же тему. Въ этихъ стихахъ обнаруживалась также стереотипія, тотъ же наборъ словъ или повтореніе однихъ и тѣхъ же фразъ.

Стереотипія проявлялась и въ рисункахъ, исполненныхъ б-ымъ на заданныя ему темы. Такъ ему предложено было нарисовать домъ, и онъ дѣйствительно изобразилъ его съ огромнымъ количествомъ оконъ и подписалъ: „домъ означаетъ о наличности труда, существованіе оконъ, дверей и всего существованія“. На тему „садъ“ нарисовалъ два лица, окруженныхъ двумя вѣтвями, одно лицо человѣческое, другое лицо — животнаго. Лечебницу изобразилъ въ видѣ двухъ прямоугольниковъ, а душевно-больного въ видѣ квадрата съ надписью „душевно-больные многими рисунками“.

На тему царь нарисовалъ три угла и на просьбу объяснить рисунокъ, отвѣтилъ: „психологія царя, какъ легкость существованія, неприкосновенность. Связь угла и обозначаетъ царя“. Б-ой совершенно правильно скопировалъ нѣсколько рисунковъ изъ журнала „Нива“, но иногда при копированіи измѣнялъ рисунокъ, онъ могъ также срисовывать съ натуры. Изъ обзорѣнія всѣхъ его рисунковъ замѣчаемъ вообще стереотипію, символизмъ, правильное изображеніе нѣкоторыхъ предметовъ, копированіе по художеству превосходить его фантазію, т. е. *творческое воображеніе его слабо, извращено.*

Объ ассоціаціяхъ у больного.

Вопросъ: какихъ вы знаете животныхъ?

Отвѣтъ: „животныхъ, имѣющихъ отправление жизни задняго прохода“.

В.: назовите этихъ животныхъ.

О.: „съ самаго маленькаго животнаго, полужелтокрылаго вша, бациллы, бактеріи, микробы видные и не видные, простому зрѣнію, надъ всѣми царь птицъ орель, а животныхъ

не летающихъ левъ, суша, морскихъ—акула и бить самыя крупныя“.

В.: какіе вы знаете цвѣты?

О.: „цвѣты неба—звѣзды, солнце, луну“.

В.: развѣ это цвѣты?

О.: „да цвѣты“.

В.: какіе вы знаете растенія?

О.: „Растеніе—трудъ, пирей, камышъ, камень, дубъ“:

В.: какіхъ знаете насѣкомыхъ?

О.: „жуки, мухи, черви“.

В.: развѣ червякъ насѣкомое?

О.: „червякъ насѣкомое, имѣетъ насѣчки на своемъ существованіи“.

В.: какіхъ знаете птицъ?

О.: „канарейку, воробей, сорокопуть, орель, курица, утка, индюшка, гуси, голуби“.

В.: какіе знаете цвѣты?

О.: „розы, циніи, петунія, левкой, георгины, петушиный гребень, настурціи“.

В.: почему же раньше при словѣ цвѣты вы говорили о небѣ?

О.: „такъ, должны быть цвѣты на небѣ, должны быть также какъ и на землѣ, лицо о лицѣ должны быть видны“.

В.: прошу васъ объяснить мнѣ выраженіе, которое вы часто употребляете, „лицо о лицѣ“.

О.: „лицо о лицѣ прежде всего человѣка, затѣмъ лицо о лицѣ набойна и сдѣлать другую набойну, издѣліе одной формы, издѣліе другой такой же формы, законъ Символь-Вѣры о жизни, лицо о лицѣ—жизнь человѣческая“.

Ассоціаціи по слуху.

Предложивъ больному сказать, какія ассоціаціи появля-
ся при произнесеніи ему словъ, получили слѣдующіе отвѣты:

Августѣйшій—отвѣтъ: „первенство, полугласность“.

Аврора—„первенство, первенство“.

Автоматъ—„первенство, первенство“.

Автономія—„первенство, выкормленность“.

Авторъ—„первенство, твердость“.

Агентъ—„первенство, твердость“.

- Акваріумъ— „первенство, твердость“.
 Акомпанировать— „первенство, ненадежность“.
 Агрономія— „первенство, выкормленность“.
 Адвокатъ— „первенство, твердость“.
 Администраторъ— „первенство, твердость“.
 Адмираль „первенство, твердость“.
 Адресъ— „первенство, твердость“.

Такъ какъ больной стереотипно повторялъ одни и тѣже слова, то у него спрошено: что вы отвѣчали? и получены отвѣты: „отвѣчалъ въ своемъ сознаниі“.

- О чѣмъ я у васъ спрашивалъ?
 „Отвѣчалъ сознаниемъ на вопросы“.

На другой день въ присутствіи д-ра Ш. больной далъ слѣдующіе отвѣты:

- Венера— „форма, законъ“.
 Дерево— „дѣло, рожденіе“.
 Перо— „поцѣлуй, дыра, твердость“.
 Тетрадь— „ненадежность, положеніе“.
 Докторъ— „твердость, дѣло“.
 Адъ— „первенство, дѣло“.
 Домъ— „дѣло, полугласность“.
 Поцѣлуй— „поцѣлуй, твердость земли, зараженіе“.
 Конфекта— „красота, первенство“.
 Здѣсь также замѣтна стереотипія ассоціацій.

Относительно вообще *ассоціацій*, нужно сказать, что у больного онѣ находятся *въ довольно большомъ количествѣ и обусловлены его памятью*. Такъ, въ его запискахъ можно замѣтить, что цѣлые классы предметовъ у него ассоцірованы довольно прочно; перечисляя, напр., штатъ прислуги, которая должна быть въ имѣніи его, онъ называетъ довольно много должностей; говоря о хозяйственныхъ постройкахъ, онъ также употребляетъ много названій; описывая больницу, онъ перечисляетъ медицинскій персоналъ и т. д. Въ этомъ отношеніи ассоціаціи его нисколько не отличаются отъ ассоціацій здороваго субъекта, но при перечисленіи ассоціацій по слуху, какъ мы видѣли, у б-аго обнаруживается обычная для него стереотипія.

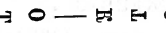
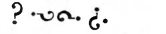
О СИМВОЛИЗМѢ У БОЛЬНОГО.

Больной иногда употребляетъ символы, понятныя только ему одному, но по просьбѣ онъ охотно объясняетъ ихъ. Такъ, напр., онъ нацарапалъ на предплечіи двѣ буквы, точку и тирѣ:

С. О.—

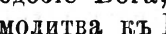
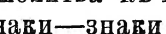
При этомъ объяснилъ, что буква С обозначаетъ слово „сыщица“; буква О.— „дыра, женскій, дѣтородный органъ“, а точка и тире обозначаютъ телеграфные знаки. Въ общемъ же все это обозначаетъ его „гербъ“. Въ частности буква О обозначаетъ его бабушку Ольгу, а также „яму—житія считаю унизительной“.

Второй символъ больной представилъ въ слѣдующемъ видѣ: (см. таблицу рисунковъ).

„Кто—кто—зло——“.

? .. .

Этотъ символъ онъ объяснилъ такъ:

- 1) кто—промыселъ;
- 2) кто—меньшая сила промысла;
- 3) кто—разновидность зла, пресѣченіе;
- 4) зло—не о лицѣ подобіе Бога;
- 5 и 6) то— то—молитва къ Богу и смерть человѣка;
- 7) вопросительные знаки—знаки чести. Честь опредѣляется временно, монополіей, шкваликомъ. Считаю монополію казенной своей собственностью“.

Третій символъ, надпись на стѣнѣ, слѣдующій: „насилъственныя настроенія по отношенію Малыты, Скуратова и Бориса Годунова“. Для объясненія сказалъ: „исторію смотрите, такъ прямо, какъ есть лицо о лицѣ, я опредѣлил свою невмѣняемость“.

Четвертый символъ заключаетъ множественное опредѣленіе его личности, начертанное на стѣнахъ больницы въ видѣ слѣдующихъ изрѣченій:

„а) сынъ юродивый“. Объясненіе, данное на словахъ слѣдующее: „дѣло за №..... губернатору объ избраніи мною, русскимъ императоромъ, юродиваго имѣнія Захариади“.

b) „Сынъ не—на“.—„Перечистка государя императора и „матери его“.

c) „Сынъ Красенъ“.—Перечистка меня и графа Шувалова о гербѣ льва“:

d) „Сынъ Шувалова“.—„Обозначаетъ наличность дѣлъ моихъ“.

e) „Прошу не давать писать на землѣ“.

„Нахожусь подѣ настроеніемъ, не могу писать, насильственное настроеніе“.

f) „Я сумасшедшій“.—„О молитвѣ нѣмцевъ въ Россіи“.

g) „Молчаніе“.—„Отнятіе насилія, я живу какою то странною жизнью. Я живу въ Россіи для очистки всякаго смуты“.

Всѣ эти символы опредѣляютъ личность б-ого. Символизмъ играетъ значительную роль въ мышленіи б-ого, воображеніи, въ разговорахъ и, вообще, во всей его жизни. Часто онъ самъ заводитъ бесѣду о знакахъ и обращаетъ на нихъ вниманіе врача.

Имѣя нѣсколько рубцовъ на тѣлѣ; онъ считаетъ ихъ знаками своего „святого житія“.

Указывая на шрамъ на пальцѣ и шрамъ на плечѣ и сгибая руку такъ, что одинъ рубецъ находится противъ другого, онъ видитъ въ этомъ указаніе на свое пребываніе въ психиатрической больницѣ: „это моя цѣль, мое личное я, жизнь больницы“.

Что касается своего герба, то онъ даетъ ему и другое объясненіе:

С. О.—

С. обозначаетъ „Святой, сумасшедшій“.

О. „женскій членъ“.

. „Точка“.

— „Собачій стултусъ“.

При объясненіяхъ герба, въ которомъ заключаются половыя особенности, онъ заканчиваетъ просьбой: „прошу не уступая собакамъ имѣть слученіе съ женщиной съ цѣлью осѣмненія“. Изобразивъ печатныя буквы русской азбуки, и подписавъ „въ русской азбукѣ тридцать пять буквъ“ б-ой на верху ея помѣстивъ слѣдующую надпись: „Весьма важно.

Правая рука Литовско-Польскаго короля, Польскаго цара, по психологіи, какъ соль“, и далѣе стихотвореніе:

„О чемъ шумите вы народныя витіи, зачѣмъ анаемой грозите вы Россіи“.

Лермонтовъ.

На просьбу дать объясненіе всему этому, сказалъ: „это на мотивъ Лермонтова, это все на вопросъ земного шара, на сколько проклята Россія, о литературѣ земного шара“.

Подписавъ свою фамилію подъ азбукой, 6-ой долженъ былъ сдѣлать переносъ буквъ; на мѣстѣ тире онъ поставилъ звѣздочку и внизу подписалъ: „весьма важно. Перенесеніе мощей Николая Мирликійскаго Чудотворца“.

На вопросъ, почему перенесеніе отнесъ къ Николаю Чудотворцу, сказалъ: „перенесеніе буквъ обозначаетъ приобщеніе таинствъ въ храмѣ, изъ чаши приобщеніе тѣла Христова“. На вопросъ, почему обозначилъ психологію, какъ соль, сказалъ: „самое меньше о проклятіи благоволенія, промисла, святая соль“.

Символизмъ больного сказывается также въ объясненіи имъ того, что онъ каждый день воспринимаетъ, напр., онъ видитъ на стѣнѣ написанную другимъ больнымъ фразу: „2-й сотни здѣсь былъ казакъ Донскаго полка Констант. Ив.“. По этому поводу нашъ паціентъ подаетъ слѣдующее письменное заявленіе: „эта надпись означаетъ двадцать шестой номеръ, мой 26 номеръ въ Одесскомъ городскомъ сиротскомъ домѣ, что въ Ботаническомъ саду; 2-й—я былъ Поповъ II-й. Начать считать сначала написанное на стѣнѣ отдѣльно цифру и буквы—двадцать шесть—мой номеръ, просчитавъ 26 получается остановка на буквѣ Н въ словѣ Донскаго; буква Н означаетъ слово собственнаго имени Николай, начало цифры 2-й означаетъ Николай II-й Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій. Мой номеръ въ Одесскомъ городскомъ сиротскомъ домѣ 26 означаетъ 26 лѣтъ царствованія Императора Александра II. Буква двадцать шестая Н означаетъ написанное мною сочиненіе „нѣтъ“, врученное въ ноябрѣ мѣсяцѣ служителю Н. и существованіе такого поведенія русскаго царства—вызовъ русскаго царя Бориса Годунова: Бори(са) Году(нова). Бори—борьба, са.—совращенное

сажа, Годунова=году-нова“. Умъ б-ого имѣеть склонность къ своеобразному объясненію всякихъ знаковъ.

О настроеніи больного.

О своемъ настроеніи б-ой написалъ слѣдующее: „я настроенъ всегда отдѣльно, надо мной все не олицѣ моей дыры, моего храма, кромѣ людей такихъ же, какъ и я.

Настроеніе мое молчать, я настроенъ жизней движенія моего артеріальнаго и венознаго, и миръ настроенъ обо мнѣ, о моемъ настроеніи своимъ настроеніемъ. Настроеніе мое оставить жизни сѣмена, своего законнаго права, своего осѣменѣнія, я удовлетворенъ, дѣльное плодовое рожденіе жизни“.

О памяти больного.

На просьбу написать что либо о своей памяти, б-ой представилъ слѣдующее: „моя память—я себя помню. Дѣтство—я проснулся въ саду—цвѣтущемъ деревьями—и резеда цвѣтущая.—Моя память—вода—перѣздъ черезъ воду—въ повозкѣ—семействомъ, моя память—остановка въ лѣсу—семействомъ—перебираясь куда то откуда то изъ экономіи въ экономію. Моя память—имѣніе Сергѣя Ивановича Гаюса-Маркова; моя память—будочникомъ жизнь—помню—моя память пастухомъ жизнь, моя память—коленіе шпаль на щепки, моя память—постройка моста на желѣзной дорогѣ, моя память—поступленіе въ сиротскій домъ,—окончаніе сиротскаго дома, моя память—не выдержалъ экзамена въ учительской семинаріи,—моя память—поѣздка въ городъ Херсонъ, второй разъ,—поступленіе въ фельдшерскую школу,—оставленіе фельдшерской школы съ перваго класса—моя память—парканскіе хутора—тираспольскаго уѣзда,—вся жизнь происходитъ въ Херсонской губерніи. Моя память какъ увѣженіе и аромать цвѣтовъ, перемѣшана грязью, воровствомъ, безпріютностью, битье меня и я бьющій другихъ. Я въ сумасшедшемъ домѣ, сумасшедшій, въ городѣ Одессѣ, что на слободѣ Романовѣ. 12 іюля 1908 г. Дворянинъ В. Д. Поповъ“.

О сознаниі и самосознаниі больного.

На просьбу написать что-либо о сознаниі и самосознаниі своемъ, б-ой изобразилъ слѣдующее: „мое сознание тишина,—какъ и всѣхъ сознание. Сознание находится со мной, какъ плугъ находится съ землей. Знание мое—я окончилъ высшее учебное заведеніе, шестиклассное образовательное училище, при Одесскомъ городскомъ сиротскомъ домѣ, что въ ботаническомъ саду,—выпускъ 1894 года,—поведеніе пять минутъ за то, что поймалъ крадущихъ ѣду, и другое поведеніе учительскаго педагогическаго совѣта и остальной службы сиротскаго дома, то есть сиротскій домъ пять минутъ поведеніе поставилъ самъ себѣ, а не мнѣ. Я ученикъ слабый, считаю себя ко всѣмъ, я яма, въ которую бы не свалился кто, спорящій со мной о годности жизни и о научности средняго и высшаго учебнаго воспитанія. Какъ ученикъ сиротскаго дома я жизнь свою сознаю переходомъ изъ перваго во второй классъ перешолъ—каникулы. Ученикамъ сиротскаго дома, которые имѣютъ поступать въ среднія учебныя заведенія—каникулы—поступать и третій, четвертый классъ каникулы, перешелъ годность и знаніе, какъ два года въ одномъ классѣ, больше у меня силы остальныхъ классовъ сиротскаго дома, какъ крошки и соль на столѣ. Самосознание мое отдѣльное житіе—одного на земномъ шарѣ, чести императора. 12 іюля 1908 г. Дворянинъ В. Д. Поповъ“. На вопросъ, сознательнъ ли б-ой, онъ отвѣтилъ: „сознательный, слабый, сознание у меня отличное, я всегда себя сознаю, что если я считаю себя слабымъ, то по отношеніи меня можно не сознавать себя слабымъ“.

Вопросъ: у васъ есть самосознание?

Отвѣтъ: „да, самого себя“.

В.: Какъ вы себя сознаете?

О.: „дворянинъ, защита Россіи“.

Въ другой разъ на вопросъ, какъ сознаетъ самого себя, отвѣтилъ: „самого себя сознаю совершенно здоровымъ, подчиняюсь общему закону перемѣнъ, сознаю держать лицо о лицѣ самого себя“.

О разсужденіи больного.

Примѣромъ разсужденія б-ого можетъ служить толкованіе имъ какихъ-нибудь словъ. Напр., онъ потребовалъ, чтобы было записано объясненіе фамиліи „Каульбарсъ“ такимъ образомъ: „ка—утка; уль—смерть, человекъ, неблагонадежность; барсъ—животное изъ поэмы Лермонтова“. Относительно фамиліи надзирателя Лемпицкаго, котораго онъ называетъ Олимпицкѣй, представилъ слѣдующее письменное разсужденіе: „поведеніе всѣмъ словамъ опредѣляетъ одинъ за всѣхъ надзиратель Олимпицкѣй: Олимпъ—гора, на которой проживали греческіе боги; ицки евреи; опредѣляетъ вся суть то, чтобы не существовали евреи. Особенное значеніе о существованіи евреевъ; иць—неправильное опредѣленіе родительнаго падежа множественнаго числа ицки—иць; и означаетъ союзъ, ц—небо означаетъ пониженіе и повышеніе—неба горизонтъ; кій означаетъ кій—пониженіе и повышеніе кія во время билліардной игры. 21 іюля 1908 г. Дворянинъ В. Д. Поповъ“.

Фамилію „Дрозднесъ“ разлагая, повидимому, на части, опредѣляетъ такъ „дѣло твердость, дѣло розъ, дѣло несъ“ „Д(роз) д(несъ)“.

Это разсужденіе больного при опредѣленіи какого-нибудь слова, представившагося ему случайно. Но у него замѣчается еще слѣдующее явленіе: постепенное измѣненіе какой-нибудь мысли. Напр. относя къ себѣ часть фразы, заключающей слова „Бориса Годунова“, о которой онъ часто говорилъ раньше, б-ой однажды заявилъ; что „Бориса Годунова“ означаетъ слѣдующее: „бори—борьба отъ слова бороться, а са—первый слогъ отъ слова сажа и потому необходимо говорить—Бори—сажа Годунова“.

Т. обр. изъ двухъ словъ получилось три съ совершенно другимъ значеніемъ, а въ дальнѣйшемъ еще новое измѣненіе смысла при разложеніи Годунова на два слова: годъ и новый. Больной часто разсуждаетъ въ этомъ духѣ и свои мысли излагаетъ на бумагѣ. Голова его работаетъ довольно много: онъ пишетъ стихи, повѣсти, приказы, разсужденія и срисовываетъ картины. Толчкомъ для его мысли является всякій видимый предметъ, всякое слово, попадающее ему на глаза. Во всемъ онъ видитъ *скрытый смыслъ*, который и старается *выяснить*. Какъ идетъ его мысль?

Вращается она на небольшомъ кругѣ предметовъ, матеріаломъ ея являются событія изъ прошлой жизни б-ого, его обрывки прежнихъ знаній, а специальная окраска мыслямъ придается его преобладающимъ бредомъ. Онъ, собственно, разсуждаетъ о нѣсколькихъ излюбленныхъ своихъ темахъ и, читая ежедневно его рукописи, можно понять, что онъ хочетъ сказать, тогда какъ человѣку, незнающему его, многое изъ его разсужденій покажется совершенно не понятнымъ, тѣмъ болѣе, что его *словъ* особенный, и онъ употребляетъ много непонятныхъ словъ.

Слѣдующія мысли наиболѣе занимаютъ б-ого: 1) онъ не понимаетъ, почему онъ находится въ психіатрической б-цѣ. Онъ дворянинъ, защита Россіи, и пр. пр. какое то отношеніе къ нему имѣетъ царь, который заставляетъ его быть въ б-цѣ; 2) ему необходимо соответствующее помѣщеніе изъ 4 комнатъ съ 2 служителями, чтобы онъ могъ читать, писать и заниматься вообще; 3) онъ подвергается различнымъ преслѣдованіемъ; 4) себя считаетъ великимъ человѣкомъ, святого житія, потомкомъ Бориса Годунова и пр.; 5) испытываетъ насильственное настроеніе.

О чувствахъ больного.

На вопросъ, какія испытываетъ чувства, б-ой отвѣтилъ: „чувства? сознаніе существованія, т. е. преимущественно желаю писать, учиться иностраннымъ языкамъ, рисовать.

В.: вы испытываете радость?

О.: „равнодушенъ къ радости“.

В.: испытываете печаль?

О.: „печальный вообще“.

В.: тоску?

О.: „тоска сознаетъ бездѣліе палача современной жизни“.

В.: испытываете любовь?

О.: „любовь?—ѣду сознаю любовь“.

В.: вы любите, значить, поѣсть?

О.: „да, только люблю ѣсть“.

В.: испытываете зlobу?

О.: „zlobу зараженъ“.

В.: вы сердиты?

О.: „о нѣтъ, но есть какая то сила, которая противъ натуры влечетъ, заставляетъ вести себя“.

Жестокость больного проявилась въ особенности въ томъ, что онъ ночью набросился на служителя спящаго, и разрубилъ ему голову желѣзной палкой отъ кровати; послѣдствіемъ этого удара была со временемъ смерть этого служителя. Въ настоящее время б-ой издаетъ приказы, въ которыхъ онъ присуждаетъ къ смертной казни всѣхъ служащихъ б-цы и даже всѣхъ душевно-больныхъ за неосвобожденіе его отсюда. Онъ напоминаетъ распоряженіе своего прототипа Баварскаго короля Людвига II, который издалъ приказъ: „выколоть членамъ комиссіи глаза и содрать шкуру живьемъ“¹⁾.

Галлюцинацій у б-го, поовидимому, нѣтъ, но иллюзіи есть; эти послѣднія относятся исключительно къ половому чувству, а также обонянію. Онъ почти всегда говоритъ о coitus'ѣ, о запахахъ, которые ощущаетъ. О половой жизни своей онъ подалъ записку, въ которой написалъ, что у него очень рано проявилось половое чувство, и онъ имѣлъ сношеніе съ дѣвочками *Sine ejaculatione*, онъ также имѣлъ сношеніе съ животными, собаками. Въ отрочествѣ днем и ночью занимался онанизмомъ. Относительно половых иллюзіей, писать слѣдующее: „мнѣ передаютъ ощущеніе въ задній проходъ coitus'a, какое то ощущеніе“. Часто занимается онанизмомъ, послѣ чего испытываетъ раздраженіе, которое онъ называетъ насильственнымъ настроеніемъ. Слышитъ иногда, какъ сосѣдъ угрожаетъ ему coitus'омъ *res anus*.

Сопоставляя результатъ изслѣдованія всѣхъ сторонъ душевной жизни больного, мы находимъ слѣдующее: память б-ого, поовидимому, безъ особыхъ измѣненій, онъ многое помнитъ изъ прошлой жизни; его перцепція можетъ быть названа правильной: онъ воспринимаетъ, какъ и здоровый, вѣроятно, въ зависимости оттого, что у него именно сохранилась память.

1) Проф. Ковалевскій. Психіатрическіе эскизы. 1897—42.

Все, что дается ему извнѣ, и не требуетъ съ его стороны особой умственной работы, совершается такъ же, какъ и у здороваго субъекта, но лишь только начинаетъ работать его умъ, когда онъ начинаетъ разсуждать, сейчасъ же обнаруживается слабость, убожество его мышленія. Начиная съ его стихотвореній и кончая послѣднимъ разсужденіемъ, вездѣ обнаруживается слабость его умственной дѣятельности, онъ не умѣетъ правильно разсуждать. Это неправильное разсужденіе сказывается прежде всего на понятіи о собственной личности. Сохраняя основное ядро ея благодаря памяти, онъ вслѣдствіе неправильнаго разсужденія приписываетъ себѣ такія качества, которыхъ въ сущности не имѣетъ, но онъ совершенно сознательнъ. Итакъ, изъ всего анализа психическаго состоянія мы заключаемъ о разстройствѣ у б-ого способности правильно мыслить и правильно умозаключать, хотя онъ правильно все воспринимаетъ. У б-ого *ослаблена способность мыслящая, т. е. разсудокъ.*

По мнѣнію *Канта* разсудокъ есть способность сужденія, способность мышленія. Мышленіе есть познаніе черезъ понятія. *Кантъ* разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „самодѣятельность нашего мышленія требуетъ синтеза, а синтезъ есть результатъ воображенія“¹⁾.

Слѣдовательно, при мышленіи субъекта играетъ огромную роль воображеніе. У нашего б-ого, какъ мы видѣли воображеніе разстроено въ высокой степени. О чемъ бы онъ ни началъ разсуждать, сейчасъ же видно измѣненіе этой драгоценной способности, присутствіе которой, какъ говоритъ *Кантъ*, люди часто совершенно не сознаютъ въ себѣ.

Констатируя измѣненіе умственной дѣятельности, мы заключаемъ о разстройствѣ ея и по его волевымъ проявленіямъ, которыя сказываются, напр., въ характерѣ письма. Въ раз-

¹⁾ *Кантъ*. Критика чистаго разума. Р. П. 1902 г. 87—93.

сужденіяхъ б-ого, въ его стихахъ часто обнаруживается стереотипія. Въ особенности стереотипія сказалась въ его стихотвореніи „пробужденіе отъ сна“ (см. табл. рис.). Написавъ сразу 5 тысячъ стиховъ, онъ стереотипно повторялъ въ нихъ нѣсколько одинаковыхъ словъ. Его волевое проявленіе служило отраженіемъ ума въ данную минуту. *Автоматичность воли зависѣла отъ автоматичности мышленія.*

Болѣзнь является экспериментомъ, который природа сама устраиваетъ надъ человѣкомъ и даетъ возможность наблюдателямъ проникнуть въ тайники человѣческой души. Рѣчь, которая служить внѣшнимъ выраженіемъ процессовъ мысли, только благодаря болѣзни (афазія) могла быть подвергнута анализу. Душевные болѣзни, касающіяся внутренней стороны психической жизни, должны способствовать выясненію механизма душевной дѣятельности. Всегда является вопросъ, какимъ же образомъ можно понять и объяснить душевное состояніе больного. Для этого мы должны глубоко проникнуть въ психическую дѣятельность пациента, чтобы понять тѣ законы, которымъ подчиняется душевное заболѣваніе. Объяснить душевную болѣзнь чрезвычайно трудно, вотъ почему въ учебникахъ мы имѣемъ большею частью описаніе душевныхъ болѣзней, тогда какъ объясненіе ихъ обыкновенно не дается, а представляется каждому составлять на этотъ счетъ собственное мнѣніе. Въ самые послѣдніе годы однако въ психіатрической литературѣ можно отмѣтить стремленіе психіатровъ къ психоанализу душевныхъ заболѣваній. На первомъ планѣ въ э томъ отношеніи стоятъ работы *Freud'a*, старающагося ввести свой методъ изслѣдованія б-ого, благодаря которому можно объяснить причину душевнаго расстройства и даже благодаря этому методу и оказать терапевтическое воздѣйствіе на болѣзнь. Методъ этотъ заключается въ томъ, что путемъ ряда вопросовъ, задаваемыхъ больному, врачъ знакомится съ состояніемъ, предшествовавшимъ заболѣванію, открываетъ тѣ идеи, которыя послужили исходной точкой душевнаго заболѣванія, и нахо-

доть, т. сказать, ключь душевнаго разстройства. Методъ этотъ не всегда даетъ положительныя результаты, иногда совершенно не удается добиться какихъ-либо результатовъ, и его можно примѣнить только по отношенію къ извѣстному роду душевныхъ болѣзней.

Если нельзя бываетъ рѣшить вопроса, какъ и почему началось душевное заболѣваніе, то мы всетаки обязаны подвергнуть анализу тѣ данныя, которыя получили и разсмотрѣть законы, которымъ подчиняется психическая жизнь душевно-больнаго. Всѣ психическіе процессы у него мы должны сравнить съ процессами нормальнаго, здороваго человѣка и посмотрѣть, въ чемъ же заключается разница. Какое измѣненіе претерпѣли нормальныя функціи мозга, чтобы дать патологическую реакцію. Чтобы отвѣтить на эти вопросы, необходимо призвать на помощь психологію и философію.

Въ чемъ будетъ заключаться, собственно, объясненіе душевнаго разстройства. Для этого необходимо отыскать въ психической дѣятельности больнаго такія отклоненія отъ нормы, которыя бы сдѣлали намъ понятными происшедшія измѣненія. Если взять примѣръ изъ обычной жизни, то при порчѣ какой-нибудь машины, мы объясняемъ себѣ эту порчу тѣмъ, что какой-либо винтъ или колесо испорчены, а потому и произошло разстройство. Эту аналогію отчасти можно распространить и на человѣческой мозгъ, который знаменитый фізіологъ *Стченовъ*¹⁾ назвалъ самой причудливой въ мірѣ машиной, и психическіе процессы, какъ напр. произвольныя движенія, страшно запутанными явленіями. Сравненіе мозга съ машиной въ особенности выступаетъ при объясненіи нервныхъ заболѣваній, когда страдаютъ извѣстныя области мозга, представляющія своеобразныя механизмы, порча которыхъ и локалізація опредѣляются съ большою точностью. Но не такъ

¹⁾ *Стченовъ*. Психологическіе этюды. Рефлексы головного мозга. 1873 г.

легко обстоит дѣло съ психическими локализаціями, и хотя говорятъ также о механизмѣ душевной дѣятельности, но этимъ хотятъ только выразить мысль, что и душевная дѣятельность также должна заключаться во взаимной зависимости психическихъ процессовъ, протекающихъ опредѣленнымъ, одинаковымъ образомъ при извѣстныхъ условіяхъ.

Если бы намъ удалось доказать, что психическіе процессы у больного носятъ механическій или какъ выражаются автоматическій характеръ, то этимъ мы значительно разъяснили бы себѣ картину болѣзни, понявъ, что высшая дѣятельность, характеризующаяся произвольнымъ характеромъ психическихъ процессовъ, отсутствуетъ у больного; въ этомъ же послѣднемъ случаѣ, когда мозгъ работаетъ предоставленный самому себѣ, онъ можетъ дать такія проявленія, которыя не заключаютъ въ себѣ дѣятельности разума или ума, а будутъ представляться совершенно безумными, неразумными, бессмысленными, Является всегда вопросъ, не представляется ли душевное заболѣваніе таковымъ, что теряются ранѣе высшія функціи, а потомъ уже нисшія. Можно утвердительно отвѣтить на этотъ вопросъ: высшія функціи, какъ болѣе сложныя, теряются раньше, чѣмъ нисшія. Относительно болѣзней памяти ¹⁾ имѣются наблюденія, что забываются событія приобрѣтенная позже, при амнестической афазіи теряются ранѣе существительныя, чѣмъ глаголы, ранѣе абстрактныя, чѣмъ конкретныя понятія. Относительно воображенія извѣстно, что эта сложнѣйшая функція мозга разстраивается при душевныхъ болѣзняхъ.

Умозаключеніе больного можетъ совершаться только относительно простыхъ явленій, болѣе же сложные процессы совершаются съ трудомъ или даже совсѣмъ невозможны.

¹⁾ Ribot. Болѣзни памяти. Р. II.

Самосознаніе теряется ранѣе сознанія, которое, какъ доказалъ еще Гегель ¹⁾, есть нисшая ступень самосознанія.

Личность измѣняется такимъ образомъ, что исчезаютъ ея высшіе ингредиенты, а остаются нисшіе. Все это наблюдается у нашего б-ого. Такъ какъ у него значительно измѣнена личность, то остановимся болѣе подробно на этомъ обстоятельствѣ. У б-ого существуетъ два міра, среди которыхъ онъ живетъ: міръ дѣйствительности и міръ его выдумокъ. Въ первомъ случаѣ онъ совершенно правильно ориентированъ, онъ знаетъ, кто онъ таковъ, гдѣ находится, гдѣ былъ раньше, кто его училъ и т. д. Все это у него основано на памяти, которая при сравненіи съ памятью здороваго человѣка, не кажется особенно измѣненной, можетъ быть, немного ослабленной. Формальное сознаніе его сохранено: онъ отдаетъ себѣ отчетъ во всѣхъ внѣшнихъ событіяхъ, и окружающихъ его лицахъ; онъ знаетъ, что находится въ психіатрической больницѣ, его окружаютъ сумасшедшіе, каждый день онъ бесѣдуетъ съ д-ромъ и пр.

Воспріятіе его правильно: онъ читаетъ, пишетъ, рисуетъ, срисовываетъ, исполняетъ приказанія, самъ предъявляетъ требованіе и пр. Второй міръ, среди котораго живетъ б-ой, есть имъ самимъ созданный, который получился вслѣдствіе дальнѣйшаго неправильнаго толкованія всего, что его окружаетъ. Ко всему тому, что онъ знаетъ и помнитъ, онъ присочинилъ много другого. Прежде всего онъ расширилъ собственное я: въ прежней личности прибавилъ новыя. Въ своей личности, т. е., скорѣе въ собственномъ названіи, онъ ориентированъ правильно, онъ совершенно точно, стереотипно подписывается подъ каждымъ стихотвореніемъ, подъ каждымъ нарисованнымъ имъ рисункомъ: „дворянинъ В. Д. Поповъ“ и никогда не подпишется иначе; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы перечислили,

¹⁾ Hegel. См. Куно-Фишера. Гегель. Р. П. 1901 г.

онъ имѣетъ идеи величія, видитъ въ себѣ олицетвореніе многихъ личностей, начиная отъ Бога и кончая судьей г. Карачова. Его собственная личность, повидимому, признается имъ наиболѣе существенной, такъ какъ ея онъ держится постоянно, тогда какъ остальные опредѣленія проскальзываютъ въ его запискахъ, его поведеніи, или же онъ даетъ ихъ, когда ему предлагаютъ вопросъ по поводу этого.

Спрашивается, какимъ образомъ необходимо объяснить себѣ такое множество личностей, соединенныхъ больнымъ въ собственной персонѣ. У параноиковъ, какъ извѣстно существуетъ трансформация личности, происходящая на почвѣ истолкованія ими переживаемыхъ событій. Считаая себя преслѣдуемыми, слыша голоса и пр., параноики въ концѣ концовъ приходятъ къ заключенію, что ихъ преслѣдуютъ потому, что ихъ желаютъ извести, они принадлежатъ къ знатнымъ людямъ и т. д. они считаютъ себя царями, королями и пр. Получается извѣстная система бреда. У нашего б-ого идеи величія зависятъ, наоборотъ, отъ недостатка критическаго отношенія къ себѣ, отъ слабоумія. Его величіе лишено извѣстной системы: онъ Богъ и старшинство столоначальниковъ, онъ судья и слѣдопытъ, онъ начальникъ офицеровъ, у него имѣнія и шкафы въ этихъ имѣніяхъ, онъ основаніе г. Карачова, цари и короли служили у него дворниками.

Здѣсь умѣстно коснуться вопроса о личности вообще и ея патологическихъ измѣненій, основъ личности и причинъ уклоненія личности у нашего б-ого.

По *Тэню* ¹⁾ „я есть рядъ событій и послѣдовательныхъ состояній, ощущеній, образовъ, понятій, воспріятій, воспоминаній, волненій, желаній, связанныхъ между собою, вызванныхъ измѣненіями тѣла“. Оно есть экстрактъ внутреннихъ событій, мыслимый составъ, элементы котораго могутъ пор-

¹⁾ *Тэнъ*. Объ умѣ и познаніи 343—Р. II. 1894 г.

тяться, и тогда окончательное произведеіе выходитъ уродливымъ.

Ribot ¹⁾, разсматривая органическія, аффективныя и интеллектуальныя условія личности приходитъ къ заключенію, что личность есть результатъ двухъ основныхъ факторовъ: устройства тѣла съ выражающими его стремленіями и чувствами и памяти.

Кантъ ²⁾ опредѣляетъ личность, какъ то „что сознаетъ количественное тождество себя самого въ различное время“.

На основаніи изученія душевно-больныхъ можно притти къ заключенію, что однимъ изъ самыхъ главныхъ факторовъ личности является воображеніе въ томъ смыслѣ, какой придавалъ ему *Кантъ*, а именно не только въ смыслѣ репродуктивной способности, но и продуктивной. Чувство, воображеніе и апперцепція, по мнѣнію *Канта*, есть три субъективныхъ способности познанія. Воображеніе слѣдая, хотя и необходимая функція души, которую мы очень рѣдко сознаемъ и безъ которой мы не имѣли бы никакого познанія. Это есть синтетическая способность“.

„Основная способность человѣческой души, лежащая въ основѣ всякаго познанія а priori, она составляетъ связующее звѣно между чувственностью и разумомъ. Общій чувствительный міръ, являющійся сознанію какъ данный, данъ ему черезъ силу воображенія. Репродуктивное и интеллектуальное воображеніе обусловливаютъ чистое сознаніе. Единство апперцепціи (я) по отношенію къ синтезу силы воображенія есть разумокъ. Вѣдь, неизмѣнно остающееся я (чистой апперцепціи) составляетъ коррелятъ всѣхъ нашихъ представленій ³⁾“. Несомнѣнно, что у нашего больного существуетъ

¹⁾ *Ribot*. Болѣзни личности. Р. П. 1886. г.

²⁾ *Кантъ*. Критика чистаго разума. Р. П. 1902 г.

³⁾ *Кантъ* Куно-Фишера. Исторія новой философіи. Р. П. 425—1901 г.

это „я“, которое является выраженіемъ единства его аперцепціи, т. е. тождества, испытываемыхъ имъ сознаний; это свое тождество онъ постоянно выражаетъ какъ словомъ „я“, такъ и своей подписью, которую онъ охотно помѣщаетъ подъ каждымъ стихотвореніемъ, рисункомъ, каждой строкой, написанной имъ. Можно сказать, что понятіе о своемъ „я“ у него существуетъ постоянно, не только его не покидаетъ, но безпрестанно заявляетъ ему о себѣ. Физиологическая основа его личности безъ измѣненій; его чувства дѣйствуютъ правильно: онъ видитъ, слышитъ, обоняетъ, осязаетъ, какъ здоровый. Въ этомъ можно было быть увѣреннымъ и раньше, такъ какъ указаній на разстройство чувствъ не было. Онъ говоритъ „я усталъ, я хочу ѣсть, писать, мнѣ нужна комната и пр“. У него нѣтъ разстройствъ физиологическихъ, которыя бы служили причиной измѣненія его личности.

Что касается аффективныхъ основъ личности, то въ его отвѣтахъ можно найти нѣкоторыя указанія на измѣненія его аффективной стороны: онъ заявилъ, что онъ вообще печаленъ, равнодушенъ къ радости, испытываетъ только удовольствіе ѣды, бываетъ злобенъ, испытываетъ нѣкоторое чувство принужденія „насильственное“ настроеніе по его выраженію.

Всѣ эти измѣненія его аффективной стороны однако не настолько выражены, чтобы имъ приписать измѣненія его личности, хотя несомнѣнно они должны вліять на его *настроеніе*, которое иногда даетъ большія *колебанія* въ смыслѣ злобнаго самочувствія. Но и это измѣненіе его аффективной стороны также не вліяетъ на измѣненіе его личности; замѣчая свое настроеніе, онъ однако не можетъ объяснить его, онъ только удивляется своему самочувствію, оно не старается истолковать своего настроенія. Такимъ образомъ, и со стороны аффективной мы не можемъ найти данныхъ для объясненія его многообразной личности. Итакъ, остается обратиться къ его интеллектуальной сторонѣ и поискать въ ней объясненія, если только оно возможно. Не есть ли весь его

бредъ о своей личности результатъ неправильнаго его умозаключенія. Если мы это докажемъ, тогда намъ необходимо рассмотретьъ, почему же это заключеніе неправильно.

Что такое умозаключеніе и какой способности ума оно обязано?

Въ „психологіи умозаключенія“ *Binet*¹⁾ находимъ точное указаніе на то, что „самые простѣйшіе выводы, какъ и самыя высочія обобщенія происходятъ отъ слиянія и группированія образовъ“. Короче сказать, воображеніе при умозаключеніи играетъ самую важную роль. Отсюда прямой выводъ, который мы дѣлаемъ, а именно: если *разстроено воображеніе, умозаключеніе будетъ неправильно*, мало того, вся психическая жизнь будетъ отличаться отъ нормальной во всѣхъ отношеніяхъ. Изъ отвѣтовъ больного можно было убѣдиться въ томъ, насколько у него разстроено воображеніе. Это обстоятельство играетъ огромную роль въ измѣненіи его личности. Не будучи въ состояніи правильно воображать, онъ также не въ состояніи и представить, вообразить того, что онъ самъ говоритъ о себѣ, и не можетъ исправить своего неправильнаго умозаключенія. Тѣмъ не менѣе, хотя у б-ого разстроено воображеніе, его умъ продолжаетъ свою работу, но она является въ высшей степени странной. Способность памяти, наличность ассоціативной дѣятельности у б-ого существуетъ, способность выражать свои мысли словами также сохранилась, и вотъ мы наблюдаемъ, если можно такъ выразиться, извѣстный весьма сложный механизмъ, который продолжаетъ работать, но эта работа утратила свои хорошія качества, вмѣсто творческой она стала какой-то слабой, механической. *Кантъ* указалъ на то, что безъ воображенія невозможно и познаніе. Дѣйствительно, на нашемъ б-омъ можно убѣдиться въ томъ, что познаніе міра для него не существуетъ,

¹⁾ *Binet*. Психологія умозаключенія. Р. II. 1889—133.

у него также отсутствует и познание самого себя. Хотя онъ считаетъ себя „великимъ поэтомъ“, но онъ не можетъ замѣтить всей пустоты своихъ жалкихъ стихотвореній. Онъ считаетъ себя Богомъ и царемъ и въ одно и тоже время, старшимъ столоначальникомъ или судьей.

Что его бредъ о своей личности есть результатъ неправильнаго умозаключенія, можно прослѣдить изъ того, какъ онъ составляетъ его ежедневно. Напр., при разговорѣ о Богѣ, онъ считаетъ себя Богомъ, и произноситъ относящійся къ нему текстъ „въ началѣ бѣ слово и слово бѣ въ Богу и Богъ бѣ слово“. Вспоминая о Малороссіи, онъ дѣлаетъ заключеніе, что онъ гетманъ Малороссіи. Говоря о деньгахъ, онъ оцѣниваетъ себя въ 20 милліоновъ, психіатрическую больницу считаетъ своей собственностью и пр. При этомъ умозаключеніе его часто зависитъ отъ внѣшнихъ ассоціацій. Нарисовавъ рисунокъ, 3 фрукта, онъ отъ слова 3 переходитъ къ слову „трение“ и разсуждаетъ на эту тему. Переносъ буквъ—есть перенесеніе мощей и пр. Мысли б-ого имѣютъ внѣшнюю связь, они самостоятельно появляются и исчезаютъ. Мышленіе совершается особымъ образомъ; здѣсь не происходитъ нормальнаго процесса, когда въ центрѣ находится основная мысль, а вокругъ нея группируются другія, имѣющія къ ней непосредственное отношеніе, а наоборотъ, главная мысль забывается, а приобретаетъ значеніе какая-нибудь совершенно посторонняя связь. У б-ого существуетъ качественное измѣненіе психической дѣятельности, ослабленіе ея. Когда ослабляются высшія функціи, всегда, какъ правило, наступаетъ дѣятельность нисшихъ центровъ, которая носитъ постоянно характеръ автоматизма. У нашего б-ого можно отмѣтить моменты въ его умственной дѣятельности, когда автоматизмъ достигаетъ высшаго пункта въ т. наз. стереотипіи: она отмѣчена въ рисункахъ, въ стихахъ, въ ассоціаціяхъ по слуху, въ символахъ, въ поведеніи, бредѣ и пр.

Кромѣ стереотипіи, которая уже весьма ясно выдаетъ свой автоматическій характеръ, мнѣ кажется, всю психическую дѣятельность б-ого, которая не находится подъ контролемъ разума, можно и должно считать автоматичной.

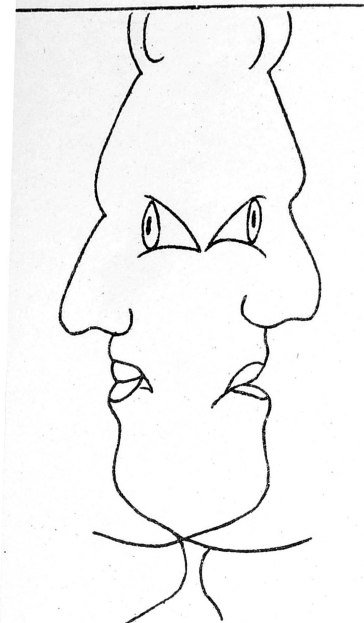
Автоматизмъ мышленія необходимо также признать въ способности или наклонности б-ого къ анализу, къ *разложению представляющихся ему объектовъ*, словъ, фразъ, изреченій. Въ имени Бориса Годунова онъ находитъ особый смыслъ при разложеніи. Онъ разлагаетъ имя на части, какъ чловѣкъ, желающій выдумать или разрѣшить шараду: первый слогъ обозначаетъ одно, второй другое и т. д.

Такимъ образомъ *автоматизмъ, наклонность къ разложению, распаденію* характеризуютъ дѣятельность больного мозга. *Не синтезъ какъ у здороваго, а діализъ.*

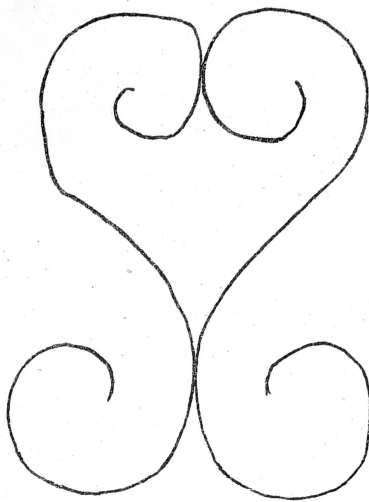
У б-ого, несмотря на видимую продуктивность работы (кипы исписанной бумаги), творчества нѣтъ. Его умъ вертится, какъ бѣлка въ колесѣ, въ заколдованномъ кругѣ, обочку котораго онъ не можетъ прорвать. Высшіе умственные процессы для него не возможны, онъ ничего не можетъ создать. Слабость воображенія б-ого, какъ продуктивнаго, такъ и репродуктивнаго, сказывается во всей силѣ. Мнѣніе *Канта*, что воображеніе есть одна изъ главнѣйшихъ функцій мозга, вполне подтверждается на слабоумныхъ. Повидимому, эта высшая функція мозговой коры находится въ тѣхъ ассоціативныхъ центрахъ, которые заключаютъ понятія. Всѣ геніи отличаются необыкновенной способностью творческаго воображенія: поэты, писатели, художники. У больного *творчества нѣтъ*, и на первый планъ выступаетъ *автоматическая дѣятельность*. У него существуетъ качественное измѣненіе психики. При потерѣ воображенія афативы производятъ впечатлѣніе слабоумныхъ; у животныхъ отрицается воображеніе¹⁾.

¹⁾ *Джэмеъ*. Психологія. Р. П. 1898 г.—303 стр.

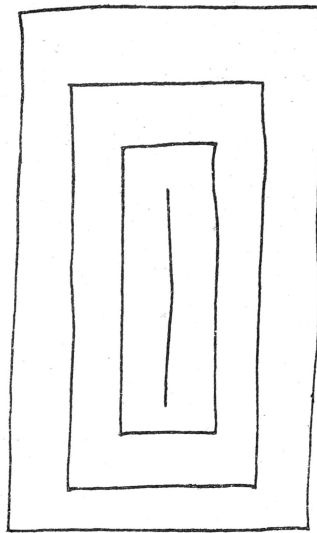
Dementia praecox paranoides.

Дубъ
Зисунокъ
Стяченіе
котлетъ

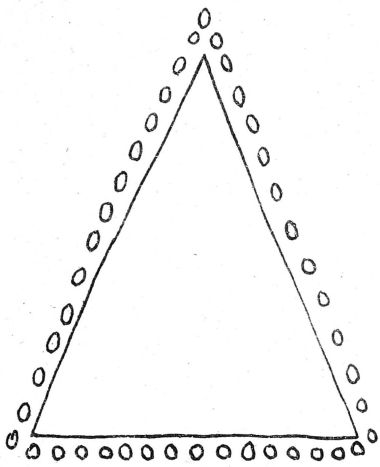
Назарменная вода Одесской
психіатрической лечебницы
и соусъ.

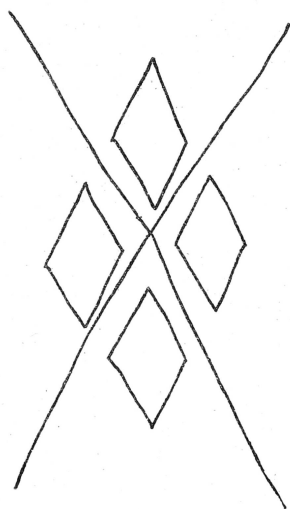
Гимназистка, дубочка
вообще

230. Пробужденіе день сто одиннадцать
звонъ звонокъ чтобъ подыматься
Пробужденіе день сто двѣнадцать
звонъ звонокъ чтобъ подыматься
Пробужденіе день сто тринадцать
235. звонъ звонокъ чтобъ подыматься
Пробужденіе день сто четырнадцать
звонъ звонокъ чтобъ подыматься
Пробужденіе день сто пятнадцать
звонъ звонокъ чтобъ подыматься
240. Пробужденіе день сто шестнадцать
звонъ звонокъ чтобъ подыматься
Пробужденіе день сто семнадцать
звонъ звонокъ чтобъ подыматься
Пробужденіе день сто восемнадцать
245. звонъ звонокъ чтобъ подыматься
Пробужденіе день сто девятнадцать
звонъ звонокъ чтобъ подыматься
Пробужденіе день сто двадцатый
звонъ звонокъ чтобъ подыматься
250. Пробужденіе день сто двадц. одинъ
звонъ звонокъ чтобъ подыматься
Пробужденіе день сто двадцать два
звонъ звонокъ чтобъ подыматься
Пробужденіе день сто двадцать три
255. звонъ звонокъ чтобъ подыматься
Пробужденіе день сто двадцать четы.
звонъ звонокъ чтобъ подыматься
Пробужденіе день сто двадцать пят
звонъ звонокъ чтобъ подыматься
260. Пробужденіе день сто двадц. шесть
звонъ звонокъ чтобъ подыматься
Пробужденіе день сто двадцать сем
звонъ звонокъ чтобъ подыматься
Пробужденіе день сто двадцать восе
265. звонъ звонокъ чтобъ подыматься

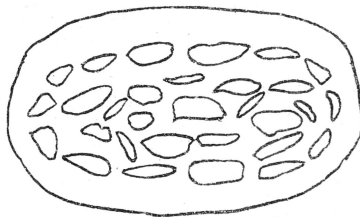
Фантазія и на память

Зисунокъ Маруса

Зисунокъ плохая память

Зисунокъ дворянское
гнздо.

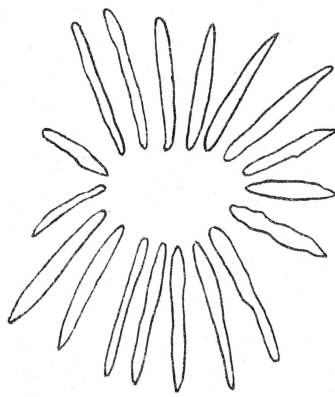
Кто-кто-кто
Ш. К. Д. М. Я
Кто-кто-кто
К. Д. М. Я

Зисунокъ волны

Ломъ

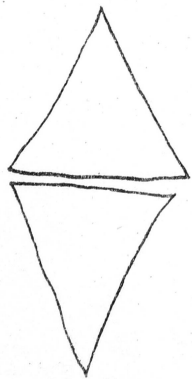
Формы

Зисунокъ не дамъ тебѣ

Зисунокъ гнзи гнздо

Двоеточіе

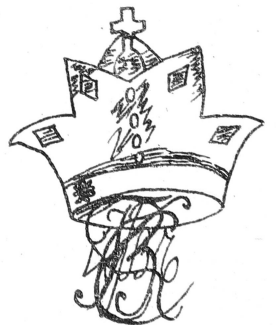
Зисунокъ воспитанникъ

Зисунокъ дымъ

Факсимиле мученика XX ста

Баронъ, Графъ, Потомствен-
ный дворянинъ, Великій князь
Столбовой дворянинъ и прочее
прочее. Василій Дмитріевичъ
Поповъ.

Стереотипія и символизмъ рисунковъ и стиховъ.

Въ заключеніе можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

- 1) существованіе параноидной формы преждевременнаго слабоумія не подлежитъ сомнѣнію;
- 2) она соединяетъ въ себѣ симптомы паранойи и dementia praecoxis;
- 3) мышленіе при ней автоматично съ характеромъ стереотипія; разсудокъ слабый;
- 4) личность при ней многообразна;
- 5) воображеніе разстроено, ослаблено, извращено;
- 6) ассоціаціи, обусловленныя памятью, въ значительномъ количествѣ, но слуховыя стереотипны;
- 7) символизмъ при ней выраженъ весьма ярко;
- 8) автоматизмъ, наклонность въ разложенію, распаденію понятій и словъ: не синтезъ, а діализъ характеризуютъ параноидную форму преждевременнаго слабоумія.